

ОЛЕГ ПЕРЕВЕРЗЕВ, СЕРГЕЙ СУББОТИН

НА ГОЛОЙ ГРАНИ БЫТИЯ

К 130-летию со дня рождения Евгения Яшнова — поэта, путешественника, учёного

Имя Евгения Евгеньевича Яшнова* (1881–1943) до начала 1990-х годов пребывало в его родной России в полном забвении — не в последнюю очередь потому, что в 1920-е годы он оказался в эмиграции и окончил свои земные дни в Шанхае. Первую публикацию его стихов на родине осуществил в Хабаровске писатель Лев Князев (журнал “Дальний Восток”, 1991, № 11). Затем в московском научном журнале “Проблемы Дальнего Востока” вышли статьи Елены Таскиной “Дороги жизни Е. Е. Яшнова” (1993, № 4) и Амира Хисамудинова “Е. Е. Яшнов — учёный и поэт” (2002, № 4)**, впервые раскрывшие перед российским читателем некоторые страницы его биографии. И, наконец, 27 стихотворений Яшнова, сопровождаемые краткой биографической справкой об авторе, были включены в антологию “Русская поэзия Китая” (М., 2001, составители В. Крейд и О. Бакич). Большей частью они были взяты из единственного поэтического сборника Яшнова “Стихи” (1947), составленного и изданного в Шанхае его вдовой.

Причина, почему первые посвящённые Яшнову статьи появились не на страницах какого-либо литературно-художественного издания, а в журнале, в целом от литературы далёком, кроется вот в чём. По профессии он был экономистом-статистиком, учёным, двадцать лет жизни отдавшим интенсивному изучению экономики Китая. Его статьи и книги получили заметную известность и признание в научных кругах. Одна из них — монография “Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии” (Харбин, 1926) — вскоре была переведена на китайский и японский языки. Значение экономико-статистических исследований Яшнова и сейчас трудно переоценить, о чем красноречиво свидетельствует название статьи одного из современных историков науки, опубликованной на китайском языке. По-русски оно звучит так: “Е. Е. Яшнов — великий русский исследователь Маньчжурии и Китая, эмигрант, живший в Харбине”.

Между тем известность Яшнова-учёного, без сомнения, контрастирует с безвестностью Яшнова-литератора. Некоторые материалы к его литературной биографии обнародовал в своей статье А. А. Хисамудинов, в чьём распоряжении находится ныне часть яшновского архива, в том числе его стихи

* Подчёркнём, что свою фамилию он произносил с ударением на первом слоге.

** Ниже при отсылках к этому источнику указываются (непосредственно в тексте) фамилия автора и страницы статьи.

и кое-что из переписки. Большинство этих материалов, однако, относится к эмигрантскому периоду жизни Яшнова. О том, как он жил и чем занимался в дореволюционной России, до сих пор было известно лишь по автобиографическим сведениям, процитированным вдовой учёного в предисловии к его стихотворному сборнику*. Они были широко использованы всеми писавшими о Яшнове.

В результате целенаправленного поиска, проведенного нами в московских архивах, удалось выявить полицейские дела, заведенные в начале 1900-х годов на юного Яшнова, его письма 1904–1916 годов, проливающие свет и на становление его личности, и на обстоятельства первой половины его жизни, ранее совершенно не известные, и автографы многих его стихов. Это позволяет рассказать теперь о жизни и творчестве Яшнова значительно подробнее.

Тем не менее, начнём мы с материала, о котором уже шла речь. Отвечая на вопросы анкеты историка русского востоковедения М. Ф. Достоевского, Яшнов писал (16 июня 1928 г.):

“Родился в 1881 г. 28 ноября на Норской мануфактуре в 12 верстах от Ярославля. Отец, Евгений Григорьевич Яшнов, по происхождению крестьянин Нижегородской губернии, Княгининского уезда, село Большое Мурашкино. С юности он был отдан на службу и специализировался на покупке льна для льнопрядильных фабрик; в этой роли он служил на Норской мануфактуре, где и умер в конце 1885 года (34 лет), когда мне было 4 года. Мать – из ярославских мещан; оставшись после смерти отца со мной – единственным ребенком, она проявила удивительную энергию и самопожертвование; одно время работала простой работницей на фабрике, зарабатывая 12–15 рублей в месяц, и ухитрилась обучить меня не только в начальной школе, но и в городском училище (Ярославль)”.

Яшнов не касается здесь бытовой стороны своей жизни в родительском доме. Об этом мы узнаём теперь из другого источника – рассказа одного из ближайших друзей его юности В. А. Смирнова: “Мать – старообрядка – будила каждую ночь мальчика и заставляла вместе с собой молиться об упокоении души отца, простаивая на молитве на коленях 1–2 часа, причем, когда сын дремал, била его ластовкой” (Российский государственный архив литературы и искусства; ниже – РГАЛИ). В четырнадцать лет мальчик даже бежал из дома и какое-то время бродяжничал, занимаясь тяжелым физическим трудом.

И всё же в 1898 г. Яшнову удаётся окончить городское училище. О его тогдашних взглядах неожиданно обнаружилось сведения в одном из полицейских документов – “Политическом обзоре по Ярославской губернии 1900 г.”. Там, с опорой на показания бывших соучеников Яшнова, подчёркивалось, что тот “всегда вступал с ними в споры о религии и научно им доказывал противоречия Священного Писания с научными данными, и хотя они не могли с ним согласиться в том, что Бога нет, но что уверения Яшнова были очень доказательны, за что они Яшнова уважали как умного и начитанного человека” (Государственный архив Российской Федерации; ниже – ГАРФ).

В 1928 г. Яшнов укажет: “Продолжению школьного обучения помешал недостаток средств...”. И в самом деле, систематического образования он в дальнейшем так и не получит. Всё, чего он достигнет в своей последующей литературной и профессиональной деятельности, произойдёт исключительно благодаря неустанному самообразованию...

Не будет преувеличением сказать, что свое призвание литератора Яшнов осознаёт уже в ранней юности. В 18 лет он дебютирует в печати, причём не как поэт (что обычно бывало в его возрасте с большинством пишущих), но как прозаик – рассказом “В поезде” в ярославской газете “Северный край” (25 декабря 1899 г.), где в то время он служит корректором.

Примерно в те же дни Яшнов, заподозренный “в принадлежности к партии, распространявшей преступные идеи” (ГАРФ), попадает в первую из своих (говоря его собственными словами) “юношеских политических передряг”, подвергнувшись двухнедельному аресту.

Повторно его арестовывают в начале февраля 1902 г. “по делу о преступном кружке, образовавшемся среди рабочих Ярославской Большой мануфактуры” (ГАРФ), а через два месяца отправляют в Самару под особый надзор

* [Яшнова Л. Г.] Е. Е. Яшнов (1881–1943) // Яшнов Е. Е. Стихи. [Шанхай], 1947. С. V–XI. Ниже цитируется без отсылок.

полицейской. За короткий срок пребывания в этом городе Яшнову удаётся напечатать (в «Самарской газете») несколько своих рассказов. В середине июня 1902 г. он оказывается в Вологде, о чём кратко упомянет в 1928 г.: «Статистическая работа началась во время вологодской ссылки: счётчиком в Оценочном Бюро местного губернского земства».

В конце марта 1903 г. с разрешения полиции Яшнов возвращается в Ярославль, а 26 октября того же года в третий раз, говоря полицейским языком, «привлекается к дознанию». Основанием ареста «послужил обыск, при котором были найдены две брошюры под названием «Милитаризм и рабочий класс» и «Программа Российской социал-демократической рабочей партии», а также сведения о принадлежности его к тайному преступному сообществу» (ГАРФ). Однако трехмесячное следствие по обвинению Яшнова ни к чему не привело, его выпускают из тюрьмы и вновь отдают под особый надзор полиции в Вологде, куда он приезжает 9 февраля 1904 г.

Тем не менее, Яшнов продолжает сотрудничество в ярославском «Северном крае». Его рассказы и статьи продолжают появляться на страницах газеты. В середине августа 1904 г. он переезжает в Самару. Именно со страниц самарских газет 1905 г., наряду с журналистикой и прозой Яшнова, начинает приходить к читателю и его поэзия (выявить более ранние публикации его стихов пока не удалось).

Впрочем, состоя в то время членом редакций «Самарской газеты» и «Самарского курьера», Яшнов преимущественно занимается вовсе не тем, к чему ощущает призвание: «... за последнее время <не писал> и совсем ничего. Много приходилось работать на газету, — сообщит он В. А. Смирнову перед отъездом из города, имея в виду «Самарский курьер». — Я вёл провинциальный, обласной и земельный отделы. Вся эта ерунда туманила душу» (РГАЛИ*).

К лету 1905 г. с Яшнова снимается полицейский надзор, и он получает возможность свободного выбора места жительства. Оказавшись в Петербурге, он в конце октября напишет оттуда В. А. Смирнову: «Постоянной работы пока нет. В «Н. Жизни» взяли кое-что».

Речь идёт о первом легальном большевистском еженедельнике «Новая жизнь».

В начале 1907 г. начинается переписка Яшнова с двоюродной сестрой Е. В. Приваловой (в замужестве Смирновой; 1887–1923), продолжавшаяся по 1916 г. Ныне эти письма являются главным источником сведений о его жизни и литературном творчестве того времени.

В письмах Яшнова к сестре из Европы (где он через месяц оказывается, по свидетельству вдовы, «в качестве корреспондента от какой-то газеты») есть путевые зарисовки, которые, думается, сделали бы честь беллетристу самой высокой пробы:

«В Вене на трамвае за кое-как разговорился с кондуктором. Ехали мы мимо самых красивых зданий: Гофбурга, музеев, оперы, университета, рейхстага, ратуши, Votivkirche*... Я как-то невольно воскликнул; может ли быть что прекраснее? — О, — ответил кондуктор, невзрачный немчура, — мир еще лучше! — и указал рукой на горизонты. Самый глубокомысленный философ не мог бы сказать ничего более красивого и верного. <...> А вечные замолкшие горы, кажется, думают о чём-то совсем другом, непохожем на наши суслымысли. И ты понемногу проникаешься доверчивым спокойствием, и когда блуждаешь по тропинке среди снегов, то как будто несёшь в душе полную чашу раздумья. Только не расплещи её, сбереги её для будущего, когда снова подхватит тебя зябкий ветер злоб дневных...» (4 февраля 1907 г.);

«С неделю назад был я на Лаго Маджорэ — в Паланце. Тёплое милое солнце грело зелёные кипарисы и мирты. Подошел к пристани пароход, оставив после себя изумрудный след. Я спросил себе билет на Изола-Белла и обратно. Это один из красивейших, если не самый красивый, из островов мира. Там застал я похороны какого-то местного жителя. Вошёл в церковь. Мне дали длинную — в аршин — свечу, и я подпевал грустно-красивым напевам. И казалось, что это не лысый патер и не похороны, а грустная, задумчивая песенка всё того же Пана — волосатого, весёлого, думающего, везде-

* Ниже все письма Яшнова, хранящиеся в РГАЛИ, будут цитироваться без указания источника текста.

** Католическая церковь в Вене рядом с университетом.

сущего. — А потом в Базеле, в музее, видел картину Бёклина. Он, этот Пан, играет на свирели в лесу. Так это всё было одно к одному” (5 марта 1907 г.).

А рядом с этим — неустанные размышления о своём месте в мире:

“Испытывали Вы когда-нибудь ощущение счастья? Знаете, к<a>к это хорошо, тепло, глубоко и красиво? Вот в этом-то я и вижу смысл жизни. Для того я и живу, чтоб наполнить такими минутами те немногие годы, которые уделены нам. Каждый разными путями достигает счастья. Я пока — искусством, дружбой, природой, порой даже вином. А со временем придется, вероятно, прибегнуть к более сильному средству...”.

Из следующих писем мы узнаём о книгах, содержание которых не только производит на Яшнова очень сильное впечатление, но на многие годы становится для него неким мировоззренческим ориентиром. И первой в ряду этих книг, безусловно, следует назвать трактат Ф. Ницше “Так говорил Заратустра”. Переключки установок философа с размышлениями молодого человека очевидны:

“О, люди поработали-таки над опошлением жизни и испакоостили её. Но ведь это лишь общественную жизнь испортили они, а стихийная жизнь — с природой, искусством, любовью осталась ещё почти нетронутой. А в человеке, по-моему, гораздо больше стихийности, чем общечеловечности. Поэтому для него гораздо больше возможности счастья, чем страдания. Надо лишь научиться счастью, создать в себе достаточно многогранную и прочную душу, чтоб воспринимать улыбки счастья отовсюду. И затем надо сделаться абсолютно свободным, не признавать никаких нравственных норм и условностей. И выработать в себе артиста жизни, выработать вкус к красоте и уметь видеть ее там, где толпа с мычаньем проходит мимо.

О, эта толпа! Насколько много возможностей в будущем для человека, настолько мало их для людей. Вечно масса останется жвачным стадом, столетиями пережёвывающим зёрна, брошенные одиночками. Пятидесятое поколение Достоевского сгниёт в земле, а толпа всё ещё не будет понимать его. Вздымая удушливую пыль, бестолково бредёт это стадо по дорогам истории и времени, отупело толчётся на одном месте целыми столетиями. — Нет, не этому кумиру будем поклоняться мы!” (10 марта 1907 г.).

И всё же “артиста жизни” в ницшеанском смысле из Яшнова не получилось: слишком велико в нём было стремление к перемене мест. Последующие многолетние странствия (которые, стоит заметить, приводили его к необходимости общаться с огромным множеством самых разных людей, тем самым неизбежно выделяя их из “человеческого стада”) не то чтобы вовсе подавили в нём интенции “сверхчеловека”, но приучили гораздо терпимее относиться к людям.

Вскоре, распроставшись с работой столичного журналиста, Яшнов круто меняет жизнь, выехав в начале августа 1907 г. в Ташкент. Вот что он напишет оттуда В. А. Смирнову:

“Итак, Вася, привет тебе из Азии. Город очень занятный, не похожий ни на что. Весь журчит: это арыки текут. <...> Здесь всё в зелени; акации и пирамидальные тополя; словно кукушки, воркуют горлинки, стрекочут цикады; толстые сарты едут на тощих осликах; на тротуарах пьют чай; солнце жарит как обалделое; земля трясётся от счастья; небо — как голубой шёлк, звёзды — словно яблоки, а яблоки — словно арбузы, а арбузы — словно десятирублёвые глобусы, а журналисты тупы и старозаветны — как сивые мерины”.

Ташкентские коллеги по цеху, судя по всему, быстро уловили, что о них думает заезжий литератор из столиц, и не допустили его в свой круг. Помытарившись несколько месяцев в поисках литературного заработка и так и не найдя его, Яшнов определяется на службу в Туркестанское переселенческое управление.

“Поступаю в здешнюю переселенческую статистику, — извещает он В. А. Смирнова 25 ноября 1907 г. — Пока всё утверждают — вот уже целый месяц. И боюсь, что пока утверждают, я умру с голоду... Гипербола, конечно, но, право, и правды немножко есть. <...>

Всё ж таки чувствую себя очень хорошо. И, вообще говоря, здесь очень нравится. Живу в одиночестве — без всякой политики и начинать забывать, что есть на свете большевики, меньшевики, эсеры. Читаю, немного пишу и много зубрю по-английски. Любуюсь закатами. Ах, если бы ты знал, какие здесь закаты! Безумные!”.

Стоит добавить, что ещё раньше Яшнов самостоятельно овладел немецким языком, а позднее — казахским, арабским, персидским...

Вскоре возобновляется его переписка с сестрой, к тому времени вышедшей замуж за В. А. Смирнова. В письме к ней (11 декабря 1907 г.) 26-летний Яшнов излагает и обосновывает свою “философию жизни”:

“Жизнь сама по себе, безотносительно к нашей психике, есть нечто хорошее, плюсовое, — иначе она не могла бы существовать. Когда для простой клеточки состояние бытия оказывается отрицательным, т. е. дающим лишь минус, то она неизбежно умирает. Точно так же умер бы и мир, если бы состояние жизни не давало ему бесконечно-огромного плюса. Для меня это ясно, как дважды два. — Следовательно, и человек, как часть целого, существует лишь в силу радости бытия, лишь потому, что сумма положительного в нём больше, что ощущения жизни богаче... <...>

Насколько я оптимист вообще, настолько же скептик в области человеческой мысли и человеческих делишек и интересов. Всё, что бы ни выдумали люди, подвержено сомнению. Уж если в $2 \times 2 = 4$ позволительно сомневаться, то тем более в конституциях, социализме, вере, атеизме, мистиках и во всяких иных философских и общественных системах. Мысль человеческая — слепой юноша. С вечно юным упрямством ищет она дороги, и так как нет никого, кто бы сказал: да, это так! или: нет, не здесь! — то она в любой момент, на любом пункте имеет равное право считать себя правой или неправой. Истины нет — вот в чём загадка нашей жизни, её мука и её красота. Одинаково правы Пуришкевич и Плеханов, Василий Великий и Юлиан Богоотступник, волк и ягненок. <...>

Человек затерян в бескрайности вселенной — случайный одинокий ребёнок, неведомо как и зачем появившийся на маленькой кружащейся планете. Нет ни Богов, ни законов, ни добра, ни зла. Страшная безграничная свобода! Когда я ясно представляю себе эту антитезу — у меня захватывает дух. Какое счастье жить среди вечного молчания — и думать, мечтать, любить...”

Весной 1908 г. начинается полевая статистическая работа Яшнова в Туркестанском крае (как он сам лаконично напишет через 20 лет, “по исследованию киргизского хозяйства”), продолжавшаяся без малого 4 года.

Сведения о его тогдашней жизни отрывочны. Оказавшись 6 октября 1909 г. в Баку, он кратко сообщает сестре: “С 20 мая я не проводил на одном месте больше нескольких дней; верхом мною сделано вёрст 900, столько же на почтовых и в крестьянских повозках, 2000 вёрст на поезде, вёрст 150 морем, — да предстоит ещё...”. А 28 ноября, вернувшись в Ташкент, пишет: “У меня хорошее настроение. Много тепла, тихой странной работы, углубления к востоку и взглядов к северу. <...> Нет ли где в Москве места для стихов?”

Конечно, тут идёт речь о новых стихах... Однако произведений Яшнова, помеченных им 1909 годом, выявить пока не удалось.

Между тем, члены семьи “московских” Смирновых, безусловно, были не единственными корреспондентами Яшнова. Видное место среди тех, с кем он тогда переписывался, принадлежало самарскому литератору, литературному и театральному критику А. А. Смирнову (Треплеву; 1864–1943).

Их переписка, по имеющимся у нас данным, вряд ли сохранилась. Однако в начале 1910-х годов Яшнов, без сомнения, посылает Треплеву свои новые стихи, и тот пытается пристроить их в печать. Свидетельство тому — открытка Треплева, отправленная 10 марта 1912 г. М. Горькому (с кем самарский литератор был в давних дружеских отношениях), со словами:

“... посылаю заказной бандеролью стихи Евг. Яшнова: посмотрите, не подойдет ли в “Сборник”. Мне думается, что у него есть дарование, и оно развивается, но еще не нашло себя. Душа у него — глубокая и певучая, с сильной религиозно-философской складкой (в хорошем смысле — искренней <так!>, без кувряканий)” (Архив А. М. Горького, ИМЛИ РАН).

Горький получает бандероль Треплева во время редакционной подготовки очередного сборника “Знание”, ведущейся под его руководством на о. Капри, где он в то время жил. Тогда же известный редактор-издатель В. С. Мирюлюбов (чьему вкусу и чутью на подлинное в поэзии Горький доверял безусловно) предлагает в этот сборник несколько стихотворений А. Блока. На редакторском столе писателя они сходятся со стихами Яшнова, которые затем направляются Мирюлюбову для отзыва. Вскоре, по настоятельной просьбе Горького, их рукопись (уже с мирюлюбовскими критическими пометами) воз-

вращается назад на Капри. Ознакомившись с ними, Горький отказывается от включения стихов обоих поэтов в готовящееся издание и не без досады пишет Миролубову 25 апреля (8 мая) 1912 г.:

“Стихи Блока переданы <К. П.> Пятницкому, он их и вернёт Вам. Мне они показались пустыми. У Яшнова, несмотря на “плечи Ра”, были стихи интересней. “Детский – немецкий” тоже не ахти как остроумно, умалчивая о том, что “немецкий” – неверно, а “сахарные ножки” – совсем уж ерунда” (Горький М. Полн. собр. соч.: Письма в 24 тт. М.: Наука, 2003. Т. 10. С. 24).

В комментарии к этому письму (там же, с. 385) не указаны конкретные произведения, из которых Горький взял “закавыченные” им слова. Цитаты из Блока, впрочем, определить нетрудно: они из его стихотворения “Сусальный ангел”. Что до “плеч Ра”, то это словосочетание, как удалось теперь выяснить, содержится в стихотворении Яшнова “Египет”, открывающемся строками: “Сумрак мечтателя-вечера / Влюбчиво скрыл пирамиды / Вечности тёмным плащом, – / Словно склонил свои плечи Ра / К кроткому лику Изиды...” (РГАЛИ; полный текст см. ниже в стихотворной подборке).

Словом, именам Блока и Яшнова так и не довелось появиться на страницах “знаньевского” сборника. Тем не менее, Горький счёл необходимым сообщить и своё мнение, и мнение Миролубова автору понравившихся ему стихов. Об этом мы узнаём из недавно опубликованного письма писателя Треплеву (от 5 мая 1912 г.):

“Стихи г. Яшнова я показывал В. С. Миролубову и возвращаю рукопись с его пометками. Я тоже согласен, что рифма “вечера” и “плечи Ра”, может быть – виртуозна, но – вычурна. Поэзия живет всё-таки там, где больше простоты. “Лазоревка, тинькая, бога на ветку зовёт” – а я не верю этому, и мне кажется, что лазоревка-то – Зинаида Гиппиус.

И – “коряга – как – акула” – не очень красиво. Вспомните Пушкина, который, написав “грузинка красивая”, находил, что соединение “инка – кра” не делает чести его вкусу <речь идёт о замечании Пушкина в письме П. А. Вяземскому от 1–8 января 1823 г.>.

А, за всем этим, стихи г. Яшнова нравятся мне. Было бы прекрасно, если бы он заставил себя писать попроще, а то “феллахи – бисмилляхи” очень уж кокетливо”*. (Последняя цитата здесь – всё из того же “Египта”; строки же Яшнова о лазоревке и о коряге-акуле, критикуемые Горьким, – из стихотворений, ныне неизвестных...)

Вести из Италии пришли к Треплеву, когда Яшнов уже с месяц как переехал из Ташкента в Самару и как раз в те дни был, что называется, постояльцем в треплевском доме. Треплев, конечно, вернул тогда автору его рукопись и показал письмо Горького. К сожалению, сведений о реакции Яшнова на отзывы именитых рецензентов не обнаружено...

Весной 1913 г. начинается новый полевой сезон Яшнова-статистика – поездки по самарской глубинке. Спустя восемь лет, будучи уже в эмиграции, он колоритно опишет несколько тогдашних случившихся с ним эпизодов в мемуарных очерках “Тренёвка”, “Николай Африканыч”, “Пёс”, опубликованных под общим заголовком “У истоков революции” в журнале “Русское обозрение” (Пекин, 1921, № 5).

Впечатлениями от событий он делится и в письмах того времени. Вот отрывок из письма Н. С. Ашукину от 13 августа 1913 г.: “Дикое болото жизни, грубые крики, звериные взгляды, жестокость, бестолочь, тупой эгоизм, бесцельность той нелепой жизни, какая идёт кругом сейчас, угроза России тёмным тяжёлым будущим, несомненный психический и социальный регресс народный, – всё это толчётся в моей душе, как сырая осенняя мгла. <...> Остаётся одно утешение – мысль о вечности. <...> В экономике мира всё разумно. И даже тоска моя в это серое утро имеет корни в Боге”.

В январе 1914 г. Яшнов выбирается в Москву, где проводит почти полтора месяца. Там он встречается с друзьями-литераторами (Н. Ашукиным, Л. Зиловым, П. Сухотиным, Ю. Соболевым), которым посвящает новые свои стихи.

* Смирнов (Треплев) А. Театр душ: Стихи, критические этюды, воспоминания, письма / [Сост., подгот. к публ., вступ. ст. и коммент. М. А. Перепёлкина]. Самара: Самарский ун-т, 2006. С. 412–413 (с пропуском слов “феллахи – бисмилляхи”, которые при содействии М. А. Перепёлкина нам удалось ныне прочесть по снимку с оригинала письма).

“По мнению знакомых, по приезде из Москвы я стал веселее, чем раньше, ласковее с людьми...” — напишет он сестре, вернувшись в Самару. Но тамошнее будничное прозябание вскоре станет Яшнову совсем невмоготу (“И всё мне кажется, что жизнь огромная, / Как биоскоп сплошной, — одним мещанам...”)

В конце апреля — начале мая 1914 г. он уезжает в Ташкент. И опять начинается его кочевая жизнь статистика Туркестанского переселенческого управления:

*Вновь услышал я — селям-алейкум! —
Ва алейкум асселям! — Киргизы, козы,
И тушканчики, и мыши по лазейкам,
И степные трепетные грозы!*

.....
*И влекут волнистые барханы
Над песками, над пустынной глиной
В азиатские загадочные страны
И к весёлой простоте звериной.*

6—8 июня 1914 г. Яшнов пишет сестре из уездного городка Серахс:

“В сущности, я в своей сфере. Скитаюсь. Пишу за походным столом. Сталкиваюсь с тысячами людей — самого разнообразного пошиба, начиная от уездных начальников и кончая захудалым рабочим-афганцем. Успел побывать и за границей — в Персии, в стране развалин, лохмотьев, опиума, пыли, скуки, нищих и торгашей. Наслушался туркменских певцов, монотонного бренчания домбры. Набродился по развалинам городов, насиделся на могилах, в которых спят люди, умершие чуть не тысячу лет назад. <...>

Но не думай, что я только наслаждаюсь своим цыганством. У меня куча сложной работы, и к обеду ежедневно я глупею почти до кретинизма. Вдобавок здесь стоят сногшибательные жары: <...> 43° в тени! <...>

И всё же здесь лучше русской городской жизни. Слышишь, как в душе дуют беззаботные рассветные ветры. Степные раздумья, ржанье коней, рёбра развалин, шмыганье змей, убегающие через пустыни тропинки, не написанные, но уже звучащие стихи, переклик фазанов, ослов, веков, племён, пространств, пожарами закатов, вечное движение путеводящих созвездий и ощущение Бога!”

“Это лето у меня удивительно богато впечатлениями, — напишет Яшнов Н. С. Ашукину. — Вы говорите: литература? Да пропади она пропадом! Разве можно сравнить живую многокрасочную жизнь с мёртвой сердцевинной книгой? Я за лето написал пяток плохих стишков, но зато проехал сотни вёрст в поездах, повозках, экипажах, пароходах, верхом, видел тысячи людей, зверей, дерев, трав, рек, гор, селений, городов, развалин...”

На самом же деле Яшнову не суждено было отойти от поэтического творчества — ведь подлинный творец навсегда обречён, говоря по-есенински, “на каторге чувств вертеть жернова поэм”...

Между тем, на высокий профессионализм Яшнова-статистика, нашедший отражение в его многочисленных служебных отчётах и аналитических записках тех лет, обратили внимание в соответствующих столичных кругах. В середине сентября 1915 г. его откомандировывают в Петроград. Яшнов становится статистиком-экономистом при управлении делами Особого совещания по продовольствию, позднее (уже после Февральской революции) преобразованного в Министерство продовольствия.

30 сентября 1915 г. он пишет сестре:

“Снова я в холодном Петрограде, пью одиноко чай с колбасой, смотрю на удивительный профиль Исаакия в туманах.

Но уже не то, что раньше. Раньше богема, порой голодавшая, порой кутившая на лишнюю пятишку. Теперь... Бог знает, что я теперь. Какое-то местоимение. Полуциновник, полупоэт, полубродяга. А в результате — ни то, ни другое, ни третье. Случайно попал я в статистическое бюро при Продовольственном Совещании. Мои коллеги — люди все тёртые, в статистике наторелые, сотрудники и редакторы разных изданий Министерства финансов, специалисты по денежному обращению, по финансовой статистике. Среди них — двое, готовящиеся к профессуре, и один приват-доцент. А я между ними — мало знающий

дилетант, и мне поэтому вначале было немного стыдно. Теперь начинаю убеждаться, что не боги горшки обжигают. С приват-доцентом, например, оба мы делаем одну работу, и больше, кажется, он меня слушает, чем я его”.

Здесь идёт речь о Г. К. Гинсе (1887–1971), с кем Яшнов будет бок о бок служить и аппарате Временных правительств России 1917–1919 гг. и в Петрограде, и в Омске. Оказавшись затем, как и Яшнов, в Китае, Гинс станет редактором литературного, научного и политического журнала “Русское обозрение” (1921), где будет печатать не только статьи и рецензии Яшнова, но опубликует три цикла его стихов, написанных еще до революции (“Стихи о России”, “Муза странствий” и “Степные ночи”). До этого Яшнову довелось напечататься в “толстом” литературном периодическом издании лишь однажды – московский журнал “Путь” (№ 5/6 за 1913 г.) поместил его стихотворение “Весна”...

Свою деятельность после Февральской революции 1917 г. Яшнов охарактеризует в 1928 г. лишь несколькими фразами:

“... в Министерстве продовольствия я проработал, заведую продовольственной статистикой, до осени 1917 года, когда переехал в Омск. В Омске работал по продовольственной и кооперативной статистике. В конце 1919 года переехал во Владивосток. Здесь был консультантом и Секретарём Совета Ведомства Финансов (при правительстве Антонова). В 1921 году переселился в Харбин и с этого же года до сих пор состою агентом Экономического Бюро Китайской Восточной Жел. Дороги”.

После переезда в Омск Яшнов и в самом деле продолжает работать по специальности. Известна, например, его брошюра “Постановка и объединение кооперативной статистики в Сибири” (Томск, 1918). Но, кроме того, как выяснили историки белого движения, Яшнов выполняет некоторые поручения сибирских правительств, что называется, на выезде.

В августе 1918 г. он находится в Самаре в качестве уполномоченного Временного Сибирского правительства при Комуче, информируя Омск о состоянии и возможностях этой властной структуры. В ноябре того же года Яшнов направляется из Омска на Дальний Восток уже как уполномоченный Председателя Совета Министров Временного Всероссийского (с 18 ноября 1918 – Российского) правительства П. В. Вологодского для оценки общеполитической обстановки в этом регионе.

Поездка Яшнова на Дальний Восток проходила по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), с которой в дальнейшем окажутся тесно связанными многие годы его жизни. Попав тогда в Маньчжурию впервые, он просто не смог не выразить свои впечатления в стихах: “И здесь, в Маньчжурии, спят / Иероглифы, тряпки, знаки, / Лавчонок с чем-то чайный ряд, / Меж них голодные собаки, / Гортанный крик, замкнутый взгляд...” (полный текст произведения, написанного 28 ноября 1918 г. *, см. ниже в стихотворной подборке).

К сожалению, кроме этого стихотворения, о поэтическом творчестве Яшнова времён Гражданской войны мы почти ничего не знаем. В одной из недавних работ о дальневосточной литературе тех лет вскользь сказано, что, очутившись во Владивостоке по окончании омской эпопеи, он печатается в газете “Далёкая окраина” и общается с поэтами А. Несмеловым, Л. Ещиным и др.

“Владивосток не стал постоянным домом Яшнова, и вскоре он переезжает в Маньчжурию, – отмечает исследователь. – В Харбине проживало немало сотрудников бывшего Омского правительства. Зная Яшнова как прекрасного специалиста-статистика и весьма доброго сослуживца, они постарались перетащить Евгения Евгеньевича в Харбин, и в 1921 г. он переезжает туда” (Хисамутдинов, 171).

1921–1923 годы знаменуются не только началом профессиональной работы Яшнова в области экономики Маньчжурии и Китая. На это же время приходится пик его публичной деятельности как журналиста, поэта, литературно-го критика...

Уже упоминалось о циклах стихов Яшнова и о его мемуарных очерках “У истоков революции”, напечатанных в журнале “Русское обозрение” (Харбин, затем Пекин, 1921). Здесь же появляется ряд его рецензий на издания самой разнообразной тематики – от экономической и политической до литературно-художественной.

После октября 1921 г. издание “Русского обозрения” прекращается. Но в мае 1922 г. в Харбине начинает выходить альманах “Русская жизнь”

* Авторская дата сообщена А. А. Хисамутдиновым.

под редакцией Н. В. Устрялова, в каждом из выпусков которого публикуются материалы Яшнова на политические темы. Среди них выделяется его статья “Нищета рационализма” (вып. 2), демонстрирующая авторское видение уроков русской революции и их фундаментальное философское осмысление. В конце января 1923 г. Яшнов приезжает в Москву, где проводит около полутора месяцев, подведя затем итоги этого визита в статье “После поездки в Россию: выводы и размышления” (“Русская жизнь”, вып. 4), содержание которой не потеряло своей актуальности и поныне.

Первая половина 1920-х годов – время интенсивного дружеского общения Яшнова с Н. В. Устряловым, Н. А. Сетницким, другими коллегами. Позднее он вспомнит об этих “дохматых милых беседах” (выражение Устрялова) в стихах 1933 г. (“Отрывок”; см. ниже).

В одном из тогдашних писем Яшнов признаётся: “Философское обнищание прогрессивнее, и мы с Н. В. Устряловым порой доходим до того, что пьем “за упокой человечества”. <...> Но так как надо же за что-нибудь цепляться, то большую веру подмениваешь маленькими верами (хорошо, хоть не верочками) – в работу о китайском крестьянском хозяйстве, в шахматы, в поток прочитываемых книг, в выписки, во встречи, словом – во повседневное” (Хисамутдинов, 172). В другом письме он сетует: “От меня стихи ушли. Может быть, в силу внутреннего усыхания, м. б., по отсутствию окружения (это очень много значит!) и, наконец, м. б., потому, что нельзя же безнаказанно писать экономические книги и статьи” (Хисамутдинов, 173).

О том же свидетельствует В. Ф. Петрова (жена писателя Скитальца), в чьих воспоминаниях содержится, кроме того, одна из немногих дошедших до наших дней характеристик личности Яшнова:

“В Харбине <...> из друзей юности Скитальца особенным его расположением пользовался поэт-экономист Яшнов Евгений Евгеньевич. В юности Яшнов, по словам Скитальца, писал очень недурные стишки, которые печатались в “Самарском вестнике” <точнее, в “Самарской газете”>. Теперь этот солидный, но по-прежнему с “детской душой” человек занимал ответственную должность на КВЖД, писал серьёзные экономические статьи и, по его словам, “бросил писать стихи”*.

Самоощущение Яшнова было близко этой оценке со стороны. Писать стихи он, конечно, не бросает, но с годами Яшнов перестаёт принимать участие в обсуждении общественно-политических и философских тем даже в дружеском кругу, уйдя, по мнению Н. В. Устрялова, “в личную жизнь и полный скептицизм” (из его письма Г. Н. Дикому от 1 февраля 1931 г.). В этих словах чувствуется недопонимание самой сущности личности Яшнова, его глубоко трагического мироощущения.

Сам же Яшнов был глубоко уверен, что живёт в дни “слепой обречённости мира”, когда “... даже лучшего ума / взлететь – бессильные усилия...” Естественно, оптимизма это не прибавляло...

После отъезда из Харбина осенью 1935 г. в связи с прекращением своей службы на КВЖД Яшнов живёт в Тяньцзине, затем в Пекине и (с 1938 г.) в Шанхае.

Он ушёл из жизни 25 июня 1943 г. На следующий день газета “Шанхайская заря” писала о покойном: “Е. Е. Яшнов принадлежал к плеяде тех ученых-статистиков, которые в конце прошлого, в начале текущего века, еще до революции много сделали к познанию России. Статистическая наука в их трудах потеряла свою былую сухость, она стала живой, действенной, руководящей, она учила и вдохновляла” (цит. по: Хисамутдинов, 175–176).

И в самом деле, стиль Яшнова-поэта так или иначе даёт о себе знать и в его научных трудах. Поэтическое же его наследие – и это с каждым днём становится всё яснее и яснее – безусловно, достойно стать в один ряд с творениями его выдающихся современников – поэтов Серебряного века.

Панорама этого наследия – перед тобой, читатель.

* Самарский литературный музей (сообщено М. А. Перепёлкиным).

ЕВГЕНИЙ ЯШНОВ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

*С киргизом едем. Он поёт
О том, что поспекает просо,
И смотрит равнодушно-косо
На облаков тяжёлый лёт.*

*Песчаных туч близка стена.
В испуге иноческой ризой
Накрылся день. Над далью сизой
Багрится солнце, как луна.*

*Взывают ветры по холмам,
Воротят кони головами,
И гром чугунными устами
Из вечности грохочет нам.*

1911. Сазан-тюбе

Произведения поэта печатаются по следующим источникам:

— “С киргизом едем. Он поёт...”, “Дождь шумел, и рокотали громы...”, “Туркмен твердил слова Корана...”, “В пустые степи день с утра...”, “Заря томится, тихо потухая...”, “Заворожил нас Петроград...”, “Порозовело небо на востоке...”, “Я слышу весну в январе...”, “Взглянешь в окно на город ночной...”, “В вечерней полутьме едва маяча...” — по кн.: Яшнов Е. Е. Стихи. [Шанхай], 1947;

— “Египет”, “Луна глядела в окно...”, “Октябрь несёт крупу сухую...”, “Жизнь дорога своими острыми...”, “Ржёт утомлённый конь, клонит дорога к унынию...”, “Вздыхает дико Пётр коня...” — по автографам РГАЛИ (впервые);

— “В Маньчжурии”, “Лысая Азия! Сколько кругом...” — по сб. “Русская поэзия Китая” (М., 2001) с учетом правки и дат, сообщённых А. А. Хисамутдиновым; “Хлещу я музу по худым бокам...” — по той же книге;

— “Статистическое” — по сетевой публикации А. А. Хисамутдинова (адрес сайта: <http://khisamutdinov.ru/forum/viewtopic.php?f=25&t=29>) с учётом сообщённой им правки;

— “Отрывок. Н. В. Устрялову” — по сетевой публикации О. А. Воробьева (адрес сайта: <http://knigo.com/p/philos/ustryalov/ustry011.htm>);

— “Ничтожество и дум, и чувств...”, “Математически исчислишь...” — по журн. “Дальний Восток”, Хабаровск, 1991, № 11 (публикация Л. Князева).

Выражаем глубокую признательность А. А. Хисамутдинову и М. А. Перепёлкину за предоставленные сведения и неизменно плодотворные консультации.

Египет

*Сумрак мечтателя-вечера
Влюбчиво скрыл пирамиды
Вечности тёмным плащом, —
Словно склонил свои плечи Ра
К кроткому лику Изиды
Скорбно в молчаньи ночном.*

*Тусклою кожей змеиною
Жутко блестя, бесконечный
Плещет задумчиво Нил, —
Словно над спящей равниною
Для умирающих Вечный
К вечности путь проложил.*

*Месяца серп позолоченный,
Выплыв тревожно с востока,
В безднах небесных повис, —
Словно плывёт, озабоченный
Неумолимостью Рока,
В лодке своей Озирис.*

*В трепете богослужения
Молятся пальмы-монахи
Листьев рыданьем глухим;
Как воплощенья терпения,
Шепчут покорно феллахи:
“О, бисм-илляхи рахмони рахим!”**

1911 или начало 1912

* * *

*Дождь шумел, и рокотали громы.
Полы туч влеклись в долу омытом.
Ветер выл, как бесприютный зверь.
Расплескавши гнева водоёмы,
Молнии блистающим копытом
Прядали в распахнутую дверь.*

*Мне не страшно одному пред Богом
Грудь подставить ветру и простору!
Знаю, гнев Его не на меня.
Жребий мой — скитаться по дорогам,
Славить землю и в ночную пору
Греться с пастухами у огня.*

1912

* * *

*Луна глядела в окно,
Ушла во мглу,
И счастье тлеет давно,
Как сор в углу.*

* “Во имя Бога милостивого и милосердного” — стих из Корана, произносимый мусульманами перед началом работы, молитвы и т. п. <Примеч. автора.>

*Сознание, ты погоди!
И, время, стой!
Рука тоски на груди
Порой ночной.*

*И, память, ты позабуди
И помолчи,
Как я любимую грудь
Ласкал в ночи.*

*Изведал, спутал, устал,
Замедлил бег,
Тяжёл судьбы перевал
И — тонешь в снег.*

*Упасть, заплавав, в снегу,
Покой украсть, —
Зачем, скупец, берегу
Ущерба страсть?*

*И губ томительный яд,
Тревогу плеч
Храню, — а в сердце лишь чад
Потухших свеч.*

*Раздам последнюю медь,
Чу, полночь бьёт!
Душе велю умереть, —
И пусть умрёт!*

4 апреля 1913

* * *

*Октябрь несёт крупу сухую,
Свистят ветра в нагих кустах...
Сегодня в поле заночую:
Ты прах еси — и будешь прах!*

*Согнула спину мне котомка
Тоски, бездомного житья.
Готов, как пёс, завывать я громко
На голой грани бытия.*

*Местечко выберу в ложбине,
Плотней в пальтишко завернусь.
Реву, мятель! Навеки ныне
Венчаюсь я с тобою, Русь!*

Начало октября 1913

* * *

Ю. В. Соболеву*

*Жизнь дорога своими острыми
Противоречьями от века,
Волнует прихотями пёстрыми
Тщету земную человека.*

* Юрий Васильевич Соболев (1887–1940), литературный критик, литературовед и театровед.

*То утро счастья, то страдание,
То тишина, то гам трактира;
Как ледяное изваяние,
Следит судьба за пляской мира.*

*Махни рукой на скуку странную,
Свою полуночную гостью,—
Лови минуту — пусть обманную
С полубглоданною костью.*

*Скачи в степи, блуждай по гаваням,
Похохочи с аэроплана, —
Одно лишь счастье: вечным плаваньем
Размыкать скуку океана.*

18 февраля 1914. Москва

* * *

*Туркмен твердил слова Корана:
— Аллах акбар! — Господь велик!
Заря склонила на барханы
Потухший постаревший лик.*

*Толпой монашеской смиренной
Встал на молитву саксаул.
С распутий из глубин Вселенной
Далёкий огонёк мелькнул.*

*Уснул я. Снилось мать-старуха,
Её иссохшая рука.
Она кричала что-то глухо
Мне с родины, издалека...*

1914

* * *

*В пустые степи день с утра
Глядится долгим взором,
Солончаков блестит кора
Серебряным узором.*

*Курганов бурые шатры
Стоят в дали туманной,
С холма на холм летят ветры
В погоне неустанной.*

*С холма на холм тропа ползёт
И тонет в дымках синих...
Душа моя, люби полёт,
Безлюдный скок в пустынях!*

*Люби былинки нищий зрак,
Седла уют усталый,
Ночлега одинокий мрак
И голос рифмы шалой!*

20 апреля 1915. В<екиль>-Базар

* * *

*Ржёт утомленный конь, клонит дорога к унынию,
Пахнет во мраке полынь, тлеет вдали огонь.
Азия так глуха... Что там: в ауле ли пламя
Иль под холмами в доли теплика пастуха?
Только махнуть рукой: волчью тоску не развеять,
Душу нигде не согреть... Юность, Господь с тобой!*

Начало сентября 1915. Ташкент

* * *

*Вздымает дико Пётр коня,
Мятеж гудит в Адмиралтейство,
И два-три тусклые огня,
Как бы от пьянства иль злодейства
Воспалены, в дали ночной
Дрожат за снежной пеленой.*

*Голодной жизни городской,
Среди безмолвия вселенной,
Скребущий душу слышу вой, —
И сам с судьбой своей забвенной
Покорно чувствую, что я —
Лишь писк в стенаньях бытия.*

*В жестоком веке жизнь моя —
Котёнок в ледяной пустыне.
Почти замерз — бездомный — я,
Почти отринут Богом ныне.
И, погибая, над собой
Европы гиблой слышу вой.*

1915. Петроград

* * *

*Заря томится, тихо потухая,
Простонет ястребок, спеша к гнезду,
Ниспосылает в мир Рука Благая
Первую дрожащую звезду.*

*Бреду, не ожидая встреч лукавых.
Течет в пустыне ночь. Летит, шуриша
По выжженным холмам в полынных травах,
Ветра бесприютная душа.*

*У шалаша вдали огонь проглянет.
Там пастухи-киргизы и стада...
И как-то хорошо, что не вспомнит
Странника никто и никогда.*

5 декабря 1916

* * *

Аскольдову*

*Заворожил нас Петроград
Газетно-театральной ложью,*

* Сергей Алексеевич Аскольдов (Алексеев-Аскольдов; 1871–1945), философ.

*И мы забыли, как горят
Костры зари во славу Божью.*

*Прильнешь к седлу, взметнется плоть, —
А степь пуста и неоглядна.
И — Господи! — как хочешь жадно
Скакать, устать и умереть!*

*Пускай лепечут мудрый бред
Философы — седые дети, —
Мне больше, чем все книги эти,
Отрады даст степной рассвет!*

25 декабря 1916

* * *

*Порозовело небо на востоке.
Зверьё, наевшись, в норы разбрелось.
Лишь сыч кружит и стонет одинокий
Во мгле, промокнув от росы насквозь.*

*Овеян я предутрием и глушью,
Отъединённостью от всех веков,
Как будто душу дал Господь пастушью
Мне, беглецу из шумных городов.*

*От мятежей стареющей Европы,
От яда книг и от любви твоей
Меня спасли водительницы-тропы
В неведомой республике степей.*

*Волнуй себя экзотикой распада,
Разворотом духа, горечью ума...
Я всё простил. Мне ничего не надо.
Лишь — этот путь, безлюдье, грусть и тьма.*

1916

В Маньчжурии

*Судьбы запутанный итог,
Сводимый говором копыта,
Пыль сладковатую дорог,
Цвета и гам чужого быта,
Чужой пейзаж, чужой порог,
Восточной девушки ланиты
И речи кружево чужой
Люблю бродячею душой.*

*И здесь, в Маньчжурии, слепят
Иероглифы, тряпки, знаки,
Лавчонок с чем-то чайный ряд,
Меж них голодные собаки,
Гортанный крик, замкнутый взгляд
И сквозь сползающие мраки
Зовущий к радостям ночей
Фонарь китайский у дверей.*

*Как Духа Мрака древний стяг,
Фонарь качается кровавый...*

*Он, как убищица в овраг
Немую жертву сталью ржавой,
Влечет усталых и бродяг
В притон забыться за отравой...
Тысячелетья напролёт фонарь зовёт...*

28 ноября 1918. Чжа-лань-тун.

Статистическое

*Люблю ряды созвучных числ,
Когда они в таблице стройной
Нам уясняют строгий смысл
Явлений массы беспокойной.*

*Они сокрытое от глаз
Со дна судьбы влекут сетями,
Они разуверяют нас,
Что случай управляет нами.*

*Во всё связь тайную гласят
Они, рифмуясь меж собою,
И даже близорукий взгляд
Порой слепят своей игрою.*

*Наш слабый понимает ум,
Что жизни не обнять нам думой,
Что бытия нестройный шум —
Лишь контрабаса хрип угрюмый.*

1920-е (?)

* * *

*Я слышу весну в январе,
Когда тёплый ветер подует
И сердце тревожно взволнует
На тихой вечерней заре.*

*Я чувствую осень весной,
Когда над прозрачною далью
Холодной октябрьскою сталью
Темнеет ненастье порой.*

*Я слышу любовь с первых встреч,
Когда вдруг поймёшь с изумленьем,
Что в сердце пахнуло томленьем
И как-то срывается речь.*

*И нашего счастья закат
Слежу по рассветной заре я,
Когда вы, любовно жалея,
Прозрачный мне дарите взгляд.*

2 февраля 1920

* * *

*Лысая Азия! Сколько кругом
Дикой извечной свободы!
Всё зародилось на лоне твоём:
Злаки, стада и народы.
В круговращеньи судеб мировом,
Знаю, весенние воды
Снова наполнят степей водоём.*

*Чувствую я, из Европы беглец,
Отпрыск культуры постылой,
В шуме монгольских собак и овец
Потенциальные силы.
Слышу, как в творческом акте Отец
Пружит набухшие жилы...
Вижу, мужает скуластый творец!
Жатва — на западе, в Азии — жнец!*

20 апреля 1920

* * *

*Взглянешь в окно на город ночной,
Спросишь судьбу: зачем и куда?
Треплет, уносит ветер года —
Жёлтые листья по мостовой.*

*Чьё-то лицо вонзится в тебя.
Это ж она! Но время не ждёт.
Ветер уносит листья вперёд.
Новую встречу и люби, не любя.*

*Только стихи в душе зазвучат,
Как в кабаке, утонешь в тоске.
Вот и седая прядь на виске.
Годы, как прежде, вихрем летят.*

*Взглянешь в окно на город ночной,
Спросишь судьбу: зачем и куда?
Броситься, что ли, вниз головой
И позабыть себя навсегда?*

19 сентября 1926

Отрывок*

Н. В. Устрялову

*Порой Устрялов женственно-поспешно
На сущее клал розовые краски.
В сердца угасшие хотел Сетницкий
Вдохнуть живую веру в воскресенье.*

* В тексте упомянуты харбинские коллеги и друзья автора Николай Васильевич Устрялов (1890—1937, расстрелян), Николай Александрович Сетницкий (1888—1937, расстрелян), Николай Николаевич Трифонов (1884—1937, расстрелян), Григорий Никифорович Дикий (1888—1961), Евгений Хрисанфович Нилус (1880—?), а также владделец одного из харбинских погребков Rogozинский.

*Их вразумить пытался тщетно Яинов
Невразумительною пьяной речью.
В их снах и лицах Трифионов стремился
Вскрыть подсознательные устремленья.
Тоску по родине в глухой Байонне
Старался письмами облегчить Дикий.
Демократию защищал упорно,
Но безнадёжно вечно юный Нилус.
К ним прилепившись, мыслить о Европе
По-русски стал студент из Вены — Штирнер.*

.....
*И многие другие промелькнули
Меж них в пыли эпохи послеомской.*

*Меж тем, летели годы революций,
Кипенья Азии, кремлёвских планов.
Звучала музыка стихий повсюду
Назойливей Вертинского пластинок.
(Быть может, даже Блок сказал бы: слишком
Уж расшалился этот гул подземный!)
Шатались цены благ земных, за ними
Все ценности в сознании колебались.
Утратили свой абсолютный облик
Для нас пространство, время и движенье.
Нас угнетали, в мысль не воплощаясь,
Идеи нерождённые. Скитались
Москвы агенты, бывшие монархи
И масса эмигрантская по свету.
И даже золото в подвалах банков
Приюта прочного не находило.
На грудах хлеба люди голодали,
Учась простой науке коммунизма.
Средь сумерек, господствующих в мире,
Москва и Рим казались маяками.
Но и оттуда зимний ветер веял
Нуждой и полускрытую тревогой.
Замолк там Блок, повесился Есенин,
Нежданно застрелился Маяковский...
Что ж это: утро или долгий вечер?
Рассвета бред или кошмары ночи?*

*И, сгрудившись на островке Харбинском,
Который понемногу заливался
Циклическим вселенским наводненьем,
Они шуришали, словно лист осенний,
С родных деревьев сорванный грозюю.
Шумели на докладах — на дощечках,
Что мы кладём в распутице незнанья,
И спорили о Шпенглере, Советах,
О Фёдорове и о многом прочем.
А кое-кто из них писали книги.
(О, эти склепы, где, в словесный саван
Одевшись, мысли в ложь перетлевают!)
Но с каждой новой строчкой холоднее
Сердца их становились, и туманней
Грядущее...*

*Так метили томами
Они свой нисходящий путь, мешали
В них пепел и надежды, познавали
Запечатлённые ошибки, дрогли*

*На том ветру, что в мир принес с собою
Печальный вьюгоносный век двадцатый,
И души съёжившиеся пытались
У Rogозинского согреть беседой...*

Харбин. Январь 1933

* * *

*Ничтожество и дум, и чувств,
И благородства, и пороков,
Косноязычие пророков
И блудословие искусств.*

*И даже лучшего ума
Взлететь бессильные усилья.
И эта вековая тьма
Над человеческою пылью.*

*Как стыдно нам перед собой
В уединеньи тёмной ночи,
Когда сознание взглянет в очи
С самопрезрительной тоской!*

1937

* * *

*Математически исчислишь,
Что гибель близится... Ну, что ж!
По-прежнему лениво мыслишь
И даже водку с кем-то пьёшь.*

*В Кремле, в Берлине, в книгах кости
Шумливо лязгают. Восток
Угрюмой заревеет злостью.
Из гроба шепчет что-то Блок.*

*И Соловьёв, своей кивая
Пророческою бородой
На глубь смятённого Китая,
Вздыхает громко: “Боже мой!”*

*Джаз из соседнего трактира —
И тот клянёт в глухую ночь
Слепую обречённость мира,
Которому нельзя помочь.*

*Глядишь кругом с оцепененьем.
Что гибель! Это — пустяки
Пред человеческим томленьем
Под тяжестью земной тоски!*

1938

* * *

*В вечерней полутьме едва маяча
И от усталости едва дыша,
Стоит пред Ним заезженная кляча —
Обглоданная временем душа.*

*Отчаявшаяся, полуживая.
Испившая судьбу свою до дна,
Она глядит на мир, не понимая,
Зачем была на жизнь осуждена.*

*Под кислотой отчаянья истлела
Последняя земная страсть,
И шелуха исчерпанного тела
Готовится — отжившая — отпасть.*

27 июня 1941

* * *

*Хлещу я музу по худым бокам,
Но старая изверилась в себе.
Действительно, пора настала нам
Уйти в себя, покорствуя судьбе.*

*Средь диких воплей войн и мятежей
Печальному не прозвучать стиху,
И Аполлона не поймёт речей
Глухая чернь внизу и наверху.*

26 мая 1942

**Публикация и подготовка текстов
О. Переверзева и С. Субботина**